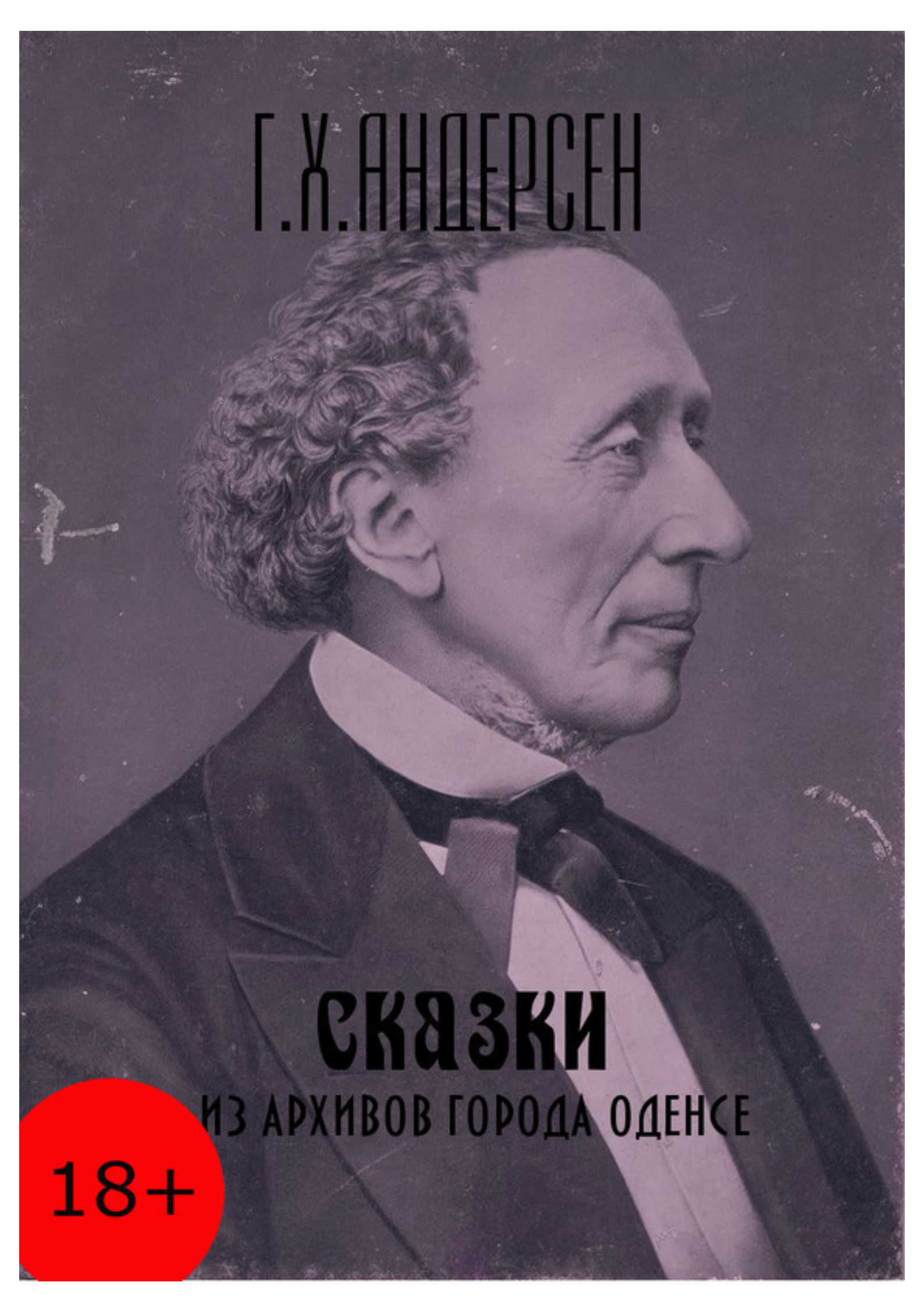

A detailed black and white portrait of Hans Christian Andersen, showing him from the chest up in profile, facing right. He has curly hair and is wearing a dark suit with a white shirt and a dark tie. The background is a dark, textured grey.

Г.Х.АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

ИЗ АРХИВОВ ГОРОДА ОДЕНСЕ

18+

Ганс Андерсен

**Сказки из архивов
города Оденсе**

«Переплёт»

1825-1875

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Андерсен Г. Х.

Сказки из архивов города Оденсе / Г. Х. Андерсен —
«Переплёт», 1825-1875

Вниманию российских читателей предлагается перевод рукописей известного датского писателя Ганса Христиана Андерсена. В своё время эти рукописи, случайно найденные в архивах города Оденсе, наделали немало шума в самой Дании, показав Андерсена с совершенно неожиданной стороны. Опубликование рукописей на родине писателя привело к пересмотру того места, которое ранее отводилось Андерсену в литературном пантеоне датских писателей, – теперь никто уже не считает Андерсена исключительно «детским сказочником». На русском языке издаётся впервые. Перевод с датского, в совпадающих фрагментах использован перевод П.Г. и А.В. Ганзен. Издание рассчитано на взрослую аудиторию, имеются возрастные ограничения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Андерсен Г. Х., 1825-1875
© Переплёт, 1825-1875

Содержание

От переводчика	6
Русалочка	7
I	7
II	15
III	17
IV	19
Огниво	22
1. Завязка	22
2. Первая комната	23
3. Вторая комната	29
4. Третья комната	35
5. Развязка	36
Маленький Клаус и Большой Клаус	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ганс Христиан Андерсен

Сказки из архивов города Оденсе

© Голушков Д.И., 2017

© Оформление. ООО «Переplёт», 2017

* * *

«Теперь мы точно знаем, почему Андерсен считал себя писателем для взрослых»

Торвальд Юсмен, редактор «Skoorveine»

«В последнее время было найдено много рукописей Андерсена, но это, без сомнения, самая поразительная находка»

Людвиг фон Штейермайер, ведущий литературного раздела «Die Deutsche Schneitzung»

От переводчика

Когда несколько лет назад мне позвонил из Дании мой друг Александер Бахур и сказал, что в Национальном архиве среди личных бумаг Г.Х. Андерсена были найдены рукописи вариантов сказок, которые существенно отличаются от того, что было ранее опубликовано, я сначала не придавал этому большого значения. Литературоведам известно множество черновиков писателей, которые, будучи в творческом процессе, неоднократно меняли, добавляли, изымали какие-то эпизоды из своего сочинения. Всё это дело обыденное. Однако, получив копию одной из таких рукописей, – сказки «Русалочка», – я понял, что дело обстоит совершенно иначе. Прибыв в Оденсе, я прочёл остальной материал, и он поразил меня ещё больше. Как оказалось, многие сказки задумывались Андерсеном не такими, какими мы их знаем – концовки, персонажи, мораль произведений впоследствии были изменены настолько существенно, что мы вправе говорить, что сказки, существующие в черновиках и то, что вышло потом из печати – это абсолютно разные произведения. Некоторые сказки вообще не были опубликованы автором по причинам, которые пока остаются невыясненными.

Пока Александер Бахур подготавливает в Дании к печати критическое исследование этих находок, я посчитал возможным ознакомить русскоязычного читателя с содержанием самих рукописей, переведя их на русский язык, но не проводя при этом литературоведческого разбора материала.

Поскольку большинство сказок являются первоначальными вариантами переведённых на русский язык, то, следуя переводческой традиции, мною был взят за основу перевод Петра Готфридовича и Анны Васильевны Ганзен. В остальном перевод мой.

Денис Голушков

Русалочка

*De profundis clamavi
ad te Domine*

I

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, тогда только верхняя выглянет на поверхность. Там на дне живёт подводный народ. Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя – стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины и любая была бы великим украшением в короне самой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках – принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у неё, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь вплывали рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна стоят настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нём росли огненно-красные и тёмно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы – горячим огнём, а стебли и листья непрестанно колыхались. Земля была сплошь мелкий песок, только голубоватый, как серное пламя. Всё там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, – впору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине, и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льётся свет.

У каждой принцессы было в саду своё местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы её грядка гляделась русалкой, и только у самой младшей грядка была без цветов, на ней были только водоросли, которые выросли там сами, как сорняки. Она очень хотела когда-нибудь посадить на своей грядке алые розы, но всё время не успевала к сезону. Странное дитя была эта русалочка, но при всём этом была она бойкой и смелой. Другие сёстры украшали себя разными разностями, которые находили на потонувших кораблях, а она только и любила, что смотреть, как её отец отдаёт приказания своим подданным, да ещё любовалась на красивую мраморную статую. Это был прекрасный мальчик, высеченный из чистого белого камня и

спустившийся на дно морское после кораблекрушения. Возле статуи русалочка поставила скамеечку и днями напролёт сидела на ней, что-то записывая в свой дневник из морских ракушек.

Но больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей там, наверху. Старой бабушке пришлось рассказать ей всё, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных, о королях и принцах, о придворных и подлом люде. Особенно чудесным и удивительным казалось русалочке то, что цветы на земле пахнут, – не то что здесь, на морском дне, – леса там зелёные, а рыбы среди ветвей поют так громко и красиво, что просто заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внучки не поняли бы её: они ведь сроду не выдывали птиц.

– Когда вам исполнится пятнадцать лет, – говорила бабушка, – вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, но сёстры были погодки, и выходило так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живётся нам здесь, наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, – рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестёр не тянуло так на поверхность, как самую младшую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и всё смотрела вверх сквозь тёмно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звёзды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы тёмное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нём много людей, и, уж конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Ну, а лучше всего, рассказывала она, было лежать в лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать большой город на берегу: точно сотни звёзд, там мерцали огни, слышалась музыка, шум экипажей, говор людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола. И как раз потому, что туда ей было нельзя, туда и тянуло её больше всего. Как жадно внимала её рассказам самая младшая сестра! А потом, вечером, стояла у открытого окна и смотрела вверх сквозь тёмно-синюю воду и думала о большом городе, шумном и оживлённом, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака – ах, у неё просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли они по небу, но ещё быстрее неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже поплыла к солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Ещё через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зелёные холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая маленьких человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде. Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались её и убежали, а вместо них явился какой-то чёрный зверёк – это была собака,

только ведь ей ещё ни разу не доводилось видеть собаку – и залаял на неё так страшно, что она перепугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зелёных холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвёртая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над головой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем как чайки, а ещё в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Её день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не удалось увидеть другим. Море было совсем зелёное, рассказывала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развеивал её длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подальше. К вечеру небо заволокло тучами, засверкали молнии, загремел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убрали паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывает какая-нибудь из сестёр первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну, а потом, когда взрослой девушкой может подниматься вверх в любую минуту, всё становится ей неинтересно и она стремится домой и уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестёр на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко о том, как хорошо на морском дне, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес – когда корабль тонул, люди захлёбывались и попадали во дворец морского царя уже мёртвыми.

Младшая же русалочка, когда сёстры её всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одинёшенька и смотрела им вслед, и ей впору было заплакать, да только русалкам не дано слёз, и от этого ей было ещё горше.

– Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! – говорила она. – Я знаю, что очень полюблю тот мир и людей, которые там живут! Надеюсь, я буду самой красивой королевой и буду править как подобает! – мечтательно говорила она.

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала бабушка, вдовствующая королева. – Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестёр!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак её высокого сана.

– Да это больно! – сказала русалочка.

– Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! – буркнула бабушка.

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, словно пузырёк воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака ещё отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звёзды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трёхмачтовый корабль с одним

поднятым парусом – не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как её приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стёкла. Там было множество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими чёрными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло как днём, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула, но тут же опять высунула голову, и казалось, будто все звезды с неба падают к ней в море. Никогда ещё не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и всё это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Принц пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка всё гремела и гремела в чудной ночи.

– Как, должно быть, хорошо быть принцем и наследником могущественного государства, – сказала сама себе русалочка. Уже поздно было, а она всё не могла глаз оторвать от роскошного корабля и от прекрасного принца.

Но вот погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчалось в глубинах морской. Русалочка качалась на волнах и всё заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, всё выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии. Надвигалась буря, матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными чёрными горами, норовя перекатиться через мачту, а корабль нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке всё это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал; вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лёг на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, – ей и самой приходилось увёртываться от брёвен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Русалочка тут же вспомнила, что люди не могут жить в воде и он приплывет во дворец её отца только мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут её раздавить. Она то ныряла глубоко, то взлетала на волну и, наконец, доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он утонул бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову.

– Пожалуйста, спаси меня! – принц очнулся, – Я не хочу умирать! Проси что хочешь!

– Я ничего от тебя не хочу, – ответила русалочка, – просто я очень люблю тебя и хочу выйти за тебя замуж. Но я не знаю, согласишься ли ты...

– Я согласен! В горести и в печали... – принц не договорил, потому что большая волна накрыла их, и он потерял сознание...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его все ещё были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у неё в саду. Она поцеловала его ещё раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь – она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсиновые и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утёсом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морскою пеной, так что теперь никто не различил бы её лица, и стала ждать.

Вскоре к утёсу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. Принц был очень рад, что остался жив, но тут ветер донёс с моря слова: «Помни о своём обещании!», и принц сразу помрачнел. Он вспомнил, как он упал в воду, и как какая-то девушка подобрала его, и как он наобещал ей с три короба того, чего совсем не хотел делать...

Сёстрам русалочка ничего не рассказала, отделавшись общими фразами о море, волнах, кораблях и прочих всем известных вещах. Однако часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала и возвращалась домой каждый раз всё печальнее, потому что не знала, как заставить принца выполнить своё обещание...

Наконец она не выдержала и рассказала обо всём одной из сестер. За ней, как водится, узнали и остальные сёстры, но больше никто, разве что ещё две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

– Поплыли вместе, сестрица! Мы заставим его выполнить своё обещание! Ох уж, эти мужчины! – сказали русалочке сёстры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшали большие картины. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и дикие растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка точно знала, где живёт принц, и точно знала, что не отступится от своего намерения, чего бы ей это не стоило. Ни одна из сестёр не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинёшенек.

Всё сильнее тянуло русалочку к людям; их земной мир казался ей куда больше, чем её подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь!

– Если люди не тонут, – спрашивала русалочка, – тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

– Ну что ты! – отвечала старуха. – Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живём триста лет; только когда мы перестаём быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

– Хотела бы я стать человеком, – проговорила русалочка.

– Вздор! Нечего и думать об этом! – сказала старуха. – Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле.

– Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

– Можешь, – сказала бабушка, – но этому не бывать никогда! Будем жить – не тужить! – сказала старуха. – Повеселимся вволю, триста лет – срок немалый... Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Русалочке в этот раз очень не хотелось идти на подводный бал, но у неё возникла кое-какая мысль, и нужно было кое-что взять из дворца, а сделать это было легче, пока все танцевали и развлекались.

Подводный бал – вот где было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зелёных раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены – и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нём танцевали под свое чудное пение водяные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Вдруг сверху донесли звуки валторн, и она подумала: "Вот он опять катается на лодке! На все бы я пошла – только бы мне быть с ним. Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась её, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!?"

И русалочка поплыла к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ещё ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава – кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину всё, что только встречала на своём пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до её жилища, окружённого диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём росли полипы – полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выраставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами всё, что только им попадалось, и уж больше не выпускали.

Русалочка в испуге остановилась, сердечко её забило от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами всё, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики,

кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили её. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди. А что уж вытворяли ужи на её груди, в сказках точно не рассказывается!

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости ты затеваешь, ну да я всё-таки помогу тебе – на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с неё и шлепнулись на песок.

– Ну ладно, ты пришла в самое время! – продолжала ведьма. – Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питьё, ты возьмёшь его, поплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядёшь там и выпьёшь всё до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они ещё не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой, но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь всё это? Тогда я помогу тебе.

– Да! – сказала русалочка.

– Помни, – сказала ведьма, – раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестёр! А если принц не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарёй после его женитьбы на другой твоё сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской.

– Пусть! – сказала русалочка спокойно. Она смело смотрела ведьме в глаза, и взгляд ведьмы на мгновение дрогнул, она подумала, что, быть может, эта русалочка затеяла недоброе. Но русалочка была так молода и наивна, что ведьма отбросила эти глупые мысли.

– А ещё ты должна заплатить мне за помощь, – сказала ведьма. – И я недёшево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остёр, как лезвие меча.

– Если ты возьмёшь мой голос, что же останется мне? – спросила русалочка.

– Твоё прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза – этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну, полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

– Хорошо! – сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котёл закапала чёрная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котёл новых и новых снадобий, и, когда питьё закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

– Бери! – сказала ведьма, отдавая русалочке напиток, – и отдай мне свой голос!

Ведьма взяла со стола острое лезвие и подошла к русалочке, намереваясь отрезать язык. С ухмылкой протянула она руку к красивому рту русалочки и вдруг замерла. Глаза её

округлились, изо рта поползла серая пена. Она посмотрела вниз: в животе по самую рукоять торчал трезубец, а из раны хлестала чёрная кровь, клубами разливаясь по поляне.

– Трезубец Тритона?! Где ты взяла его? – прохрипела ведьма.

– Во дворце своего отца. Ты, наверное, думала, что можно делать с глупой русалочкой всё что хочешь? – в голосе русалочки чувствовалась сталь, – и ты поплатилась за своё безрассудство!

– Ах ты, ведьма! Мерзкая русалка! – вскрикнула ведьма.

Русалочка выдернула трезубец, ведьма с диким воплем рухнула на землю и поползла в свой дом из белых костей. Русалочка приставила трезубец к её рыхлому горлу:

– Что нужно добавить в напиток, чтобы я не ступала как по острым ножам и мои ноги не кровоточили?! Отвечай и, может быть, я сохраню твою трижды никому не нужную жизнь!

– Я всё скажу, только оставь меня в покое! Нужно добавить в напиток три капли томатного сока, перемешать, но не взбалтывать..., – ведьма пыталась уползти от русалочки: – Ты обещала отпустить меня!

– Я сказала «может быть», – ответила русалочка, и голова ведьмы покатилась вниз по холму.

II

Когда русалочка плыла обратно, полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка тихо положила трезубец на место и взяла стакан томатного сока с кухни. Сердце её готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на тёмно-голубую поверхность моря.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял её своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто её пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце. Перед ней стоял прекрасный принц. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у неё появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц вспомнил русалочку, и улыбка мгновенно испарилась с его лица.

Русалочку нарядили в шёлк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе.

Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, раздетых в шёлк и золото. Они стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки; тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в лёгком, воздушном танце; так не танцевал ещё никто! Каждое движение подчеркивало её красоту, а глаза её говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, даже принц. Увидев, что принц благоволит русалочке, король с королевой сказали, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать перед дверями его комнаты. Это то, чего она хотела – ведь ей нужно было напомнить принцу о его обещании.

В эту же ночь у двери спальни принца была поставлена красивая резная кровать для русалочки, придворные принесли сорок перин и бархатную подушку. Русалочке очень нравилось здесь, и можно было, в принципе, больше ничего не делать, а просто лежать вот так на мягкой кровати и смотреть на звёздное небо. Но русалочка прекрасно понимала, что благоволение короля и королевы могло пройти так же быстро, и она могла снова оказаться голой на песчаном берегу. К тому же, как это прекрасно, оказаться принцессой, а потом и королевой такой огромной и могущественной страны! Русалочка перевернулась на живот и подпёрла голову руками. Теперь ей хорошо была видна гладь океана и серебристая лунная дорожка. Она подумала об отце, бабушке и сёстрах, которые, наверное, ужасно огорчились, когда она пропала. Она решила во что бы то ни стало подать родным весть о том, что она теперь во дворце принца. Русалочка легла на бок. «Да что же это такое, сорок перин, а всё жёстко!», – она слезла с кровати и сунула руку под нижнюю перину. Там лежала горошина. Русалочка сначала очень удивилась, но потом всё поняла: «а, стандартная проверка!», и положила горошину на туалетный столик. «Пусть все знают, что я принцесса!», – подумала она.

В это время хлопнула дверь и принц, не глядя на русалочку, прошёл в свою комнату. В руках у него была книга, принц делал вид, что чрезвычайно увлечён чтением и не замечает ничего вокруг.

– Ты держишь книгу вверх ногами... – сказала русалочка, входя вслед за принцем в его апартаменты. Принц покраснел и бросил книгу на кровать.

– Чего ты хочешь?

– Ты разве не помнишь? Своё обещание, данное мне в морской пучине? Помнишь? Принц отвернулся к окну.

– Я был не в себе... я тонул и был на краю гибели... а ты воспользовалась моментом... – принц думал, что русалочка будет возмущаться, но она молчала. От этого принцу сделалось ещё больше не по себе, – При обычных условиях я бы... я бы не пообещал тебе этого... того, что женюсь на тебе... – Русалочка молчала, – ты просто подловила момент... обещание недействительно, потому что оно было дано под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств... – последнюю фразу принц проговорил явно неуверенно и покраснел ещё больше.

– Ух, ты! Это из брошюры «Как победить в суде» или «Домашний адвокат»? – русалочка говорила с таким сарказмом, что принц не покраснел ещё больше только потому, что уже был красен как помидор. Русалочка повернулась к туалетному столику и начала разглядывать расставленные на нём бутылочки и пузырьки.

– Что это? – спросила она, взяв в руку самый красивый пузырёк.

– Какая разница!!! – взорвался принц, – что ты от меня хочешь?!

– Ты знаешь, – спокойно и твёрдо сказала русалочка.

Принц сел на красивый резной диван, стоявший тут же у окна, и закрыл лицо руками. Русалочка села рядом.

– Послушай, – сказала она, – я не хочу ругаться. Хочу, чтобы мы жили мирно и спокойно, – она положила ему руку на плечо, принц вздрогнул. – Ты так реагируешь, будто я абсолютное зло! – с улыбкой сказала она.

Принц встал и снова посмотрел в тёмное окно. Он перестал волноваться и снова приобрёл свой обычный бледный аристократический вид.

– Извини, я просто очень переживаю из-за того обещания, которое я дал. Я принц, да и даже если бы я не был принцем, я просто воспитанный человек, поэтому не в моих правилах отказываться от своих слов. Я помню, и никогда не забывал о том, что я тебе обещал.

Принц помолчал, подбирая слова.

– Но... но я люблю другую. Я давно отдал ей свою руку и сердце. И хотя король против этого брака, потому что её королевство не такое богатое и могущественное как наше, я женюсь только на ней... только на ней...

Этого русалочка никак не ожидала. Её горделивая осанка стала ещё более прямой, губы плотно сжались и сделались бескровными, а щёки, наоборот, запылали яркими цветами. А ещё у неё в памяти всплыли слова ведьмы: «А если принц не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарей после его женитьбы на другой твоё сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской». Глупо было забыть спросить у ведьмы как убрать и это заклятие из волшебного напитка, но теперь уже ничего не поделаешь.

– Расскажи мне о ней, – попросила русалочка.

– А о НЕЙ – говорить нельзя. ОНА как живая тайна: ЕЮ можно жить, о НЕЙ можно вздыхать. ЕЙ можно молиться. И, не постигая ЕЁ, блюсти ЕЁ в себе... и благодарить Творца за это счастье... и молчать.

Русалочка вышла из комнаты.

III

Раз ночью всплыли из воды рука об руку сёстры русалочки и запели печальную песню; она была на берегу и кивнула им, они узнали её и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали её каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове. Царь Тритон сел рядом с русалочкой на камень и сказал:

– Сёстры мне всё рассказали. Хотя я сначала и очень сердился на тебя, но скажу прямо: ты молодец! Горжусь своей умной дочерью! Настоящая принцесса! Недаром же говорят, что ты похожа на меня...

Но русалочка, очень любившая своего отца, в этот раз даже не улыбнулась, и, прервав его, тихо сказала:

– Он любит другую, и женится только на ней.

– Чепуха! – рассердился Тритон, – он не может так поступить с тобой. Я этого не допущу. Я царь морской, а это вам не какое-нибудь удельное княжество на трёх аршинах! Ты самая достойная и богатая из всех принцесс.

С этими словами Тритон уплыл в море.

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы встретиться с принцессой; с ним едет большая свита.

Через несколько недель принц прибыл обратно и привёз с собою свою возлюбленную принцессу. Русалочка жадно смотрела на неё и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она ещё не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных тёмных ресниц улыбались синие кроткие глаза. Русалочке казалось, что её сердце вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить её, превратить в пену морскую.

Вечером во дворце короля состоялся бал. Русалочка зашла в залу, где должно было состояться празднество. Бальная зала была роскошная, но не такая великолепная, как у них в подводном царстве. Справа от входа стояли два трона, на них сидели король с королевой, справа от короля стоял принц. Русалочка пришла из гостей первая и заметила, что она прервала какой-то разговор на повышенных тонах между королём и принцем. Принц был красив, король хмур, королева бледна. Русалочка поклонилась королю и хотела отойти в другой конец залы, но король жестом позвал её и с улыбкой пригласил встать слева от королевы. Вскоре начали прибывать гости, они, поклонившись королю и королеве, расходились по зале и только принцессе, прибывшей вместе с принцем на корабле, король указал на место рядом с королевой. Русалочка поняла, что все уже знают, кто она такая. Принцесса встала подле русалочки, и в это время заиграла музыка. Ах, как веселилась и плясала русалочка! Во всех тяготах и невзгодах последних недель она и забыла, как чудесно бывает на балах! Она на время позабыла о принце и только плясала и плясала и все вокруг не могли надивиться, до чего же прекрасна русалочка, до чего же она красиво танцует. Кавалеры занимали очередь на несколько танцев вперёд, а двое уже успели вызвать друг друга на дуэль из-за спора о том, кто следующий танцует с нею...

– Несчастье! Какое несчастье! – в бальную залу ворвался промокший насквозь человек в придворном платье и бросился в ноги к королю, – принц и принцесса... изволили любоваться красотами моря... как вдруг налетела эта гигантская волна... какое несчастье... принц выбрался, мы унесли его в покои, принцессу ищут... какое несчастье... – человек всхлипывал через слово, его руки дрожали. Все забежали по зале, большинство побежало к выходу –

помогать искать принцессу. Только двое человек стояли на одном месте и смотрели друг на друга – русалочка с ужасом смотрела на короля, а побледневший король – на русалочку.

IV

Принцессу нашли только на пятый день. Рыбаки опознали тело по богатой одежде и сообщили во дворец. По королевству поползли слухи, что отец погибшей принцессы снарядил флот, чтобы отомстить королю за гибель дочери, хотя, как говорили на рынках, и ребёнку понятно, что наш король не виноват в том, что поднялась волна. Впрочем, вся небольшая флотилия этого небольшого королевства погибла, попав в шторм.

Через сорок дней после гибели принцессы король ранним утром подошёл к русалочке и сказал, что принц просит её руки. Русалочка сказала только «я согласна» и ушла к себе в комнату. С того дня, как пропала принцесса, принц не выходил из апартаментов и ни с кем не разговаривал. Русалочка томила под его дверями сорок дней и сорок ночей, но когда король передал ей просьбу принца, она набралась смелости и вошла к нему. Принц сидел на диване у окна и смотрел в одну точку. Русалочка подошла к окну, у которого стоял принц в тот первый день, когда у них произошёл первый и единственный разговор. За окном было утреннее безмятежное море.

– Я больше никогда не смогу смотреть в это окно, – тихо сказал принц, – я никогда не захочу больше видеть моря.

Помолчав, всё также глядя куда-то перед собою, он добавил:

– Мой отец сказал, что ты, как дочь морского царя, можешь стать моей женой, и что ты согласилась. Удачная сделка, как и мечтал отец. Ты можешь быть рада – ты добилась своего.

Русалочка хотела так много сказать принцу о своих переживаниях, о том, что она действительно очень сожалеет о случившемся, но не смогла.

– Я не хотела, чтобы всё так получилось, – только и сумела промолвить она и выбежала из комнаты.

Свадьбу решили сыграть на корабле. Беспокоиться о погоде было напрасно, ведь отец невесты – сам царь Тритон, морской владыка! Уж он постарался к свадьбе своей любимой дочери сотворить самую лучшую погоду, какую только можно было придумать. Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понёсся в открытое море. Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда ещё не танцевала она так чудесно! Но этой радости она не чувствовала – сердцу ее было всё больнее и больнее. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же сидел тихо на месте жениха и лишь изредка вставал для того, чтобы принять очередное поздравление.

На следующий день принц тяжело заболел. Через неделю он уже не вставал с постели и самые лучшие доктора, съехавшиеся со всего королевства, только разводили руками, принцу не помогало даже колдовство старой бабушки русалочки. Никакие лекарства не помогают от меланхолии, говорили они, принца просто нужно развеселить. Но для принца это было самое недоступное лекарство из всех существовавших на свете. Ещё через неделю принц умер. Король и королева были безутешны. Особенно король – для него было разрушено всё: принц, его единственный наследник, был мёртв, и умер он от того, что сам король считал смешным, а может быть и вовсе не существующим – от любви. «От любви случаются болезни потешные, для анекдотов», – любил говаривать король, услышав эту фразу от одного придворного министра-администратора, как-то служившего у него. Королевство после его смерти юридически переходило к русалочке, а фактически к царю Тритону. Внуки его, которых он так

часто представлял бегаящими по бальной зале, никогда не станут королями. Его династия прервалась, и сам он так и будет сидеть, как сейчас, один в пустой бальной зале и ждать своего часа.

В залу зашла Русалочка.

– Почему ты не плачешь? – спросил король.

– Мы не умеем плакать...

– Довольно притворства! Ты принесла нам только несчастья.

Русалочка, прежде склонившаяся в поклоне, выпрямилась, и гордо посмотрела на короля.

– Я? Это что – я убила принцессу? Это я говорила, что она принцу не пара, потому что её королевство слишком мало? Это вы, вы с Тритоном убили принца! – крикнула русалочка, – вы, из-за своих дурацких государственных интересов, из-за своей дурацкой... воли к власти... Мы все его убили...

Русалочка успокоилась и, подойдя вплотную к королю, наклонилась над ним и, глядя ему прямо в глаза, прошептала: – Он единственный из нас, кто достоин был жить, и он единственный из нас, кто умер.

Король ничего не мог сказать, в горле у него стоял ком. Он знал, прекрасно знал, что русалочка права. Абсолютно, каждым словом права.

На следующий день перед восходом солнца русалочка пришла к морю и села на большой камень, стоявший в воде недалеко от берега. Она смотрела на море, которое когда-то было её родным домом, на красную полосу горизонта, предвещавшую скорый восход. Русалочка вспомнила, что где-то, когда-то, в другой жизни она была совсем не такой. Она любила искренне, любила глубоко. И пусть ведьма отрезала тогда у неё язык, и пусть каждый шаг тогда причинял ей боль, а самую большую боль причинил принц, женившись на своей возлюбленной принцессе. Пусть это всё было нестерпимо больно, но она была чиста и любила от всего сердца, а не выстраивала какие-то шибко хитрые и умные, а оттого ещё более глупые политические партии и ходы. Почему она так поздно вспомнила это?

Русалочка вспомнила, как они с сёстрами собирались вечерами и пели своими прекрасными голосами прекрасные русалочьи песни. Русалочка посмотрела на горизонт и запела одну из своих любимых грустных песен.

Спев песню, русалочка нагнулась к морской глади и тихо сказала:

– Я тебя люблю... но... я не хочу быть похожей на тебя... – русалочка знала, что царь Тритон слышит каждое слово, произнесённое над морской водой. Она слезла с камня и легла на воду. Русалочка почувствовала, как тело её расплывается пеной. Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и розовые облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы её, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

– Кто вы? – спросила она, поднимаясь в воздухе, и её голос звучал такою же дивною музыкой.

– Дочери воздуха! – ответили ей воздушные создания. – У русалки от рождения нет бессмертной души, но она может её обрести. Её вечное существование не зависит от чужой воли, а только от неё самой. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить её добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоуха-

ние цветов и несём людям исцеление и отраду. Пройдет триста лет, во время которых мы будем посильно творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу и сможем изведать вечное блаженство, доступное людям. А у тебя, бедная русалочка, уже есть душа, и ты будешь вечно жить в раю!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу, в первый раз почувствовала у себя на глазах слёзы. А на грядке русалочки в подводном царстве в этот день сами собой, волшебным образом, выросли красивые алые розы.

Огниво

*Жизнь коротка, искусство вечно, случай мимолётен,
эксперимент рискован, судить трудно.*

Гиппократ

1. Завязка

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шёл домой с войны. На дороге встретила его старая женщина – безобразная, противная: нижняя губа висела у неё до самой груди.

– Здорово, служивый! – сказала она. – Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот бравый солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

– Спасибо, старая ведьма! – сказал солдат.

– Видишь вон то старое дерево? – сказала она, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. – Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя веревкой вокруг пояса и вытащу назад, когда ты мне крикнешь.

– Зачем мне лезть туда в дерево? – спросил солдат.

– За деньгами! Знай, что когда ты доберешься до самого низа, ты увидишь большой подземный ход; там совсем светло, потому что горит добрая сотня ламп. Потом ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку: глаза у неё, словно чайные чашки! Да ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, живо подойди и схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него вволю. Тут одни медные деньги; захочешь серебра – ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, что твои мельничные колеса! Но ты не пугайся: сажай её на передник и бери себе денежки. А хочешь, можешь достать и золота, сколько угодно; пойдешь только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на сундуке, глаза – каждый с Круглую башню. Вот это собака! Но ты её не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

– Оно бы недурно! – сказал солдат. – Но что ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь уж что-нибудь да тебе от меня нужно?

– Я не возьму с тебя ни полушки! – сказала женщина. – Только принеси мне старое огниво, которое позабыла там в последний раз моя бабушка.

– Ну, обвязывай меня верёвкой! – приказал солдат.

– Готово! – сказала женщина. – А вот и мой синий клетчатый передник! Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала женщина, в большом проходе, где горели сотни ламп. Вот он открыл первую дверь...

2. Первая комната

Ух! Там сидел пёс и таращился на солдата.

– Малый не дурён! – сказал солдат и посадил собаку на передник. Потом он открыл сундук и увидел, что... сундук пуст....

– Хе, «малый недурён»! – передразнила его собака и скроила солдату пакостную морду, высунув язык вбок.

Солдат никак не ожидал такого поворота событий и молча, раскрыв рот, глазел на собаку, а она завалилась на спину и дрыгала ножонками от смеха:

– Ты бы... видел свою... физиономию... – собака смеялась искренне, до слёз, хлопая передней лапой по переднику. Наконец смех прошёл, собака прыснула ещё пару раз и успокоилась.

– Иди за мной, – сказала она, и, встав с передника, побрела прочь.

– Куда? – спросил вконец опешивший солдат.

– За деньгами, зачем ещё с передниками ходят. Не будь у тебя того клетчатого передника, я бы тебя, конечно, разорвала... ну, или покусала бы сильно, – собака не выглядела очень большой, она была породы типа французского бульдога – тёмненькая, маленькая, с кривенькими лапками и сплюсненной мордой.

Тут только солдат и заметил, что комната, в которую он зашёл, такая большущая, что конца-края ей не видно. Невдалеке стоял высокий холм, змеей вокруг которого обвивалась широкая тропа, по каким обычно ходят пешком. На холме стояли и ходили разные люди. Солдат с собакой пошли наверх.

Если дорогие мои читатели думают, что это был холм так себе, просто куча земли, то они сильно ошибаются. Это был светлый и благоустроенный холм, поросший зелёной травкой, которую периодически стригли. Вдоль тропы кое-где росли аккуратные деревца, попадались и кустики с ягодами – чёрной смородиной, крыжовником. Собака шла медленно, и солдат с интересом смотрел по сторонам – таких холмов он отродясь не видывал, и всё ему было интересно.

– А что все эти люди тут делают? – спросил солдат.

– Работают, дружище, работают, – сказала собака, – деньги добывают. Без этого никак, ни поесть, ни попить, ни на горшок сходить...

– А эти тоже работают? – солдат показал на человека, сидевшего на обочине дороги с кусочком бересты и царапавшим что-то на нём острой палочкой.

– А то как же! Каждый по-своему, эти вот с помощью Волшебной Бересты питаются, – собака заглянула через плечо и почитала, шевеля губами, что писал человек, – О! Так это ж про тебя!

Солдат тоже заглянул через плечо и увидел, что человек написал: «Экстрановость! 3 минуты назад. Злой солдат с ротой приспешников явился с огромным мешком и хочет всех обобрать, прикарманив себе наши деньги. «Хватит!» – с такими лозунгами вышли жители на манифестации. Все читатели Бересты также высказались против».

В этот момент откуда-то сверху донеслись возмущённые голоса. Солдат посмотрел наверх и увидел, что все люди, у кого была в руках такая же береста, читали новость и возмущались. Солдат даже покраснел от несправедливости:

– Ничего себе! Это же неправда! Какая рота приспешников? Что за бред?

– Ну, ладно, ладно, что ты пыhtiшь. Сейчас всё поправим, – сказала собака и что-то шепнула на ухо человеку с берестой.

Солдат снова заглянул через плечо и увидел, как человек писал на бересте: «Экстрановость! 1 минуту назад. Из информированных источников стало известно, что солдат добрый и пришёл один, чтобы принести нам деньги. Все читатели Бересты высказались за».

– Час от часу не легче. Хорошо, что хоть я «добрый» оказался, – сказал солдат, – но всё равно враньё.

– Не бери в голову, правда – не правда, какая разница? Они ж не за правду пишут, они же работают так, я же тебе поясняю. Ладно, пошли, а то застряли тут с этой писаниной, – собака тронулась наверх, – я тебе в общих чертах опишу, что тут где, чтоб ты не тормозил на каждом повороте.

И собака начала рассказывать, часто прерывая свою речь бульдожьим пыхтением, а солдат всё слушал, да крутил головой по сторонам.

– Строение холма стандартное, – по-учёному начала собака, – снизу вверх; наверх ведёт узкая тропа, вниз – широкая. Основная масса народонаселения стремится попасть наверх – так было всегда и есть сейчас. Это дело вкуса, потому что дерьма везде хватает. Хотя и резон в этом тоже есть. Чёткой границы между подножием холма и его вершиной нет – всё плавно перетекает друг в друга, потому что склоны поросли травой. По естественным законам гравитации вверх по холму забраться сложнее, чем опуститься вниз. Но это преимущество только для тебя, потому что обратно пойдёшь гружёный медью. Остальные вниз спускаются или по глупости или по принуждению, хотя бывают и редкие исключения. Холм имеет конусообразную форму, поэтому наверху народу меньше, чем внизу. Кстати, аккуратней за следующим поворотом, потому что там у нас оберштурмбанфюрер доктор Ф. собственной персоной!

Солдат увидел за поворотом холма человека в белом халате, на спине которого было вышито изображение ликторского пучка со вставленным в него медицинским скальпелем. В руке доктор Ф. держал такой же скальпель, и, размахивая им, бежал по холму за пациентами, крича «Ну, гады, кто следующий на операцию?!». Пациенты, в основном пожилые женщины, с визгом разбегались.

Боясь попасть под скальпель, собака и солдат быстро проскочили это место.

– А почему они этого обер-шмобер-как-его-там не урезонят? Потому что слабые женщины?

– Да нет, им просто всё равно. Ну, то есть, когда конкретно за ней бежит – ей не нравится, визжит как резанная, а вот когда он за другими бежит, то вроде уже и не страшно. Смешно даже. Вот и получается, что не получается урезонить. Всем всё равно, когда не тебя касается, главное ведь, чтоб твой зад был под тёплым одеялом. Так что пусть бежит, может пациенты поумнеют... если выживут. Доктор Ф. – частность. Пока они не научатся доверять друг другу, за ними будут бегать со скальпелями и дубинками. Всё просто, как в сказке, правда?

Пройдя ещё несколько поворотов, солдат попросил привала. Они с собакой уселись под раскидистое дерево, росшее у дороги. Место оказалось очень удачным: невдалеке располагался оркестр, давали что-то из эпохи барокко.

– Я вот чему удивляюсь, – прошипела собака громким шёпотом, чтобы не мешать музыке, – как это люди, которые пишут, играют и танцуют такую музыку, могут ненавидеть окружающих, ругаться матом, бить коллег по голове скрипкой и плевать друг в друга кислотой? Они же несут, так сказать, в массы доброе и вечное, как это сочетается? Мне кажется, что все они должны быть как добрые феи, в них искусство должно изничтожать всё плохое... Или вот учёные. Почему в храме мысли так много серости и убожества?

– Так, с виду, вроде, приличные, – неуверенно сказал солдат, оглядывая оркестр.

– Ну, с виду-то, да. А вот в прошлый четверг фаготы напились в хлам и подрались с контрабасами... Тоже мне феи. Почему на многих умных и образованных людей не действует волшебная сила логики и искусства? А, солдат?

На собаку музыка, видимо, подействовала, вместо обычной грубости вдруг появилась «волшебная сила искусства». Солдат не знал что ответить и пожал плечами.

– Или вот... – собака принесла откуда-то коробочку, в каких хранят обычно детские кубики, и поудобнее уселась под деревом – вот, «конструктор романов»!

В коробке были деревянные кубики, которые присоединялись один к другому в любом порядке. Всё было очень просто – с помощью готовых кубиков можно было выстроить любой роман, новеллу, рассказ и даже стих на любую заданную тему. Через минуту собака сделала приключенческий роман: гордый моряк отправился в море на поиски приключений и славы, налетел шторм, его корабль утонул, но гордый моряк чудом спасся; на необитаемом острове (sic!) бился на шпагах с туземцами: «Текели-ли!» кричали туземцы в ужасе от его храбрости, и, в конце концов, моряк стал обладателем несметных сокровищ. Но сердце его принадлежало морю... Ещё через минуту собака соорудила сказочную повесть про каких-то эльфов, нетопырей и прочую нечисть, потом любовный роман, потом...

– А про солдата что-нибудь есть?

– Пожалуйста, – собака переставила несколько кубиков и вышел героический роман про роту солдат, которые воевали не щадя живота своего за честь Его Величества, а когда был отдан приказ к отступлению, то продолжали героически бороться, потому что вестовой до них не доехал (был сражён вражеской пулей) и только героизм позволил им выбраться из окружения, но предатели генералы присвоили всю победу себе, потому что они были из клана вурдалаков (случайно кубик из сказочной повести подцепился). Здесь же вплеталась любовная линия и прочая и прочая и прочая...

– Недурно.

– Дурно, – без энтузиазма сказала собака, – один мой хороший знакомый как-то сказал: «Понаписано более чем достаточно, я хотел бы поменьше книг и побольше здравого смысла». Муза должна водить рукой писателя, а не «конструктор романов». Это всё к тому же самому – вы, люди, можете занести споры пошлости даже в самые высокие материи.

– Н-да?

– Глупость погубит этот мир. Только глупость не глупцов, а глупость тех, кто считается умным. Как сказал один мой хороший знакомый, «умные дураки говорят лучше».

– Глупости, – ответил солдат, – мир стоит уже не одну тысячу лет, и ещё пять раз по столько же простоит и не рухнет. Не перегибай палку.

Собака выбросила конструктор, опёрлась спиной о ствол дерева и вздохнула. Солдат зевнул.

– Ладно, пошли, – сказала собака, и они посидели ещё немного, а потом ещё немного, слушая музыку, пока солдат не подтолкнул собаку локтем, после чего они вновь двинулись вверх.

Собака продолжала рассказывать, но, чем дальше, тем меньше солдат понимал её слова из-за усталости и большого количества информации, которую голова солдата, по роду его деятельности, и в меньших-то количествах воспринимала плохо. Наконец они достигли вершины холма, которая представляла собой не очень большое плато.

На вершине было немногочисленно, но люди были одеты празднично и пили шампанское из высоких бокалов. Посередине стоял долгожданный сундук. Солдат двинулся к нему и...

– Осторожно! – крикнула собака, солдат еле успел увернуться. Его чуть не сбила странная группа людей, которые бежали со всех ног, неся плашмя на своих плечах большую белую доску. Доска очень смахивала на дверь, крашенную дешёвой белой краской: и точно, при-

смотревшись, солдат увидел сбоку покрашенные петли. На двери, скрестив ноги и упёршись руками в бока, сидел какой-то человек в короне.

– Что это было?

– Это был... это... – собака подняла глаза к небу, вспоминая имя, – э... как бишь его... э... этот, Ких Чих Пых, Величайший, Святейший и Мудрейший Правитель Холма. Сокращённо – ВСМПХ Пых Чих Ких... ой, извиняюсь: Ких Чих Пых.

– Ага, понятно... Напугали, зараза, – солдат прошёл к сундуку и стал набирать деньги в карманы, нервно поглядывая на эту группу, бешено носящуюся по холму. Группа уже успела зацепить дверью какого-то мужчину, который, ругаясь и разбрызгивая по сторонам шампанское, скатился вниз по склону.

– А почему это те, что справа держат дверь, кричат «Да здравствует ВСМПХ!», а те, что слева – «Долой Киха Чиха Пыха!», – спросил солдат, продолжая набирать деньги.

– А потому что слева – оппозиционеры.

– А почему же оппозиционеры дверь не бросят?

– А потому что без двери они уже будут не оппозиционеры, – собака сделала круглые глаза и развела лапами, мол: «а ты как думал?»

Тут один из оппозиционеров споткнулся и плашмя растянулся на дороге. Остальные, нисколько не сбавив скорость, неслись дальше. Упавший, впрочем, быстро поднялся и, нагнав группу, занял прежнее место.

– Вы посмотрите только, – сказал кто-то слева от солдата. Солдат повернулся и увидел мужчину с бокалом шампанского, который читал Бересту: – вот это новость: оппозиция выступила против ВСМПХ! Вот тут пишут, что один из оппозиционеров провёл акцию протеста, упав под ноги прихлебателям ВСМПХ!

– Ну... и что потом было? – стоящая рядом дама в вечернем платье заинтересованно заглянула в Бересту, – Ких уходит? Его рейтинги упали?

– Нет, больше ничего не написано, – мужчина поскрёб затылок.

Дама разочарованно вздохнула.

– Как-то всё безрадостно тут у вас, – сказал солдат, когда они спускались вниз по склону. Теперь они шли вниз по широкой тропе, карманы солдата были отягощены медяками.

– Безрадостно? – собака засмеялась, – ну нет! Просто всякая шелупонь всегда в глаза лезет, – собака помахала лапой перед своей мордой, демонстрируя, как шелупонь лезет в глаза. – Вот и кажется, что всё вокруг плохо: тут не работает, там убили, сям подрались, здесь взятку дали, где-то что-то украли... Хороший человек, он как золото – его не видно сразу, его нужно из всей этой грязи намыть. Грязи много, золота мало.

– Ну и как же его «намыть»? – солдат улыбнулся вычурной метафоре. Впрочем, он был, прежде всего, озабочен тем, что медяки вываливались из набитых карманов и их приходилось постоянно поднимать.

– Ну, как говорил мой хороший знакомый, ищи тех, «которые предпочитают сухие вина сладким, чувства сантиментам, остроумие юмору и правильный язык жаргону». От себя добавлю – и предпочитают чай заваренный по-человечески чайным мешочкам...

– Ну, знаешь ли... – солдат даже обиделся – он сам любил чай, фасованный мешочками на одну порцию.

– Глупый ты, солдат. Я же не о том... Кстати, мне вчера один мой знакомый прислал ящик замечательного полусладкого вина, знаешь, у него в аромате преобладают такие яркие оттенки малины, горной фиалки и тёмно-красной бархатной розы...

– Полезный у тебя знакомый, – ухмыльнулся солдат, – и афоризмы и вина ящиками присылает.

Собака не успела ничего ответить, потому что с небольшой поляны, которая располагалась буквально в двух шагах от тропинки, донёлся страшный шум. Солдат увидел на поляне с десяток людей, которые пытались растащить в стороны двух мужчин в серых костюмах. Эти двое скакали возле камина и каждый держал в руке по кочерге, пытаясь ею огреть другого. Доставалось кочергой всем вокруг, но только не соперникам – те довольно ловко уклонялись от ударов, несмотря на то, что у каждого на руке висело по паре товарищей. Собака тоже побежала разнимать, и ей при этом досталось больше всех. Наконец, антагонисты были растащены в стороны и, отдуваясь, уселись на траве, в то время как остальные искали лёд для своих шишек и перебинтовывали раны лапами своих рубашек. Солдат заметил, что тут же, на поляне, в кресле сидит пожилой седовласый мужчина с трубкой во рту. Он единственный, кто не принимал участия в сваре, а только смотрел на бой со стороны, изредка морщась, когда тому или другому разнимающему особенно доставалось кочергой.

– Кто эти люди? – спросил солдат, подойдя поближе.

– Это? Это учёные, молодой человек. В частности, эти двое, что надавали всем кочергой, – он ткнул в их сторону мундштуком трубки, – философы.

– Не подозревал...

– Что у вас тут опять произошло? – к ним подошла собака.

– Да ничего особенного, – мужчина сделал неторопливую затяжку, откинулся в кресле и начал рассказывать, – состоялось заседание, как обычно, ну, ты знаешь...

– Угу, – сказала собака.

– Доклад назывался «Существуют ли философские проблемы?». Когда дело дошло до статуса этики, наш друг, ну, ты знаешь, как он умеет...

– Угу...

– ... взял в руки кочергу для демонстрации своей позиции докладчику и предложил ему сформулировать моральный принцип. Тот и говорит, что, мол, первейший моральный принцип – не угрожать докладчику кочергой. Ну, наш друг, конечно, вломился в амбицию, и попытался врезать другому нашему другу этой самой кочергой. В камине весьма кстати оказалась вторая кочерга... Между прочим, фехтовали они весьма сносно.

– Угу, – сказала собака, потирая ушибленную лапу.

– И часто это у них бывает? – спросил солдат, когда они шли вниз по склону прочь от поляны.

– Постоянно. Работа мысли – опасная вещь. Напряжение такое, что так и хочется подраться. Мы скоро спустимся, эта тропа круче, но короче... Тут вот только опасное место перейдём... Осторожно, можно поскользнуться!

Впереди вся тропа была покрыта льдом метров на пять вниз, а рядом с тропой белела заснеженная круглая поляна. Посреди поляны в снег был воткнут большой серебряный рыцарский щит с надписью «Нопог». Надпись была нанесена красивым римским маюскулом посередине щита.

– Лучше перейди чуть левее, по снегу, – посоветовала собака. Сама она, видимо, проходила здесь не раз и, прытко перескочив скользкий участок, командовала солдату куда лучше поставить ногу. Солдат, придерживая деньги в карманах, ступал, ощупывая дорогу, но как он ни осторожничал, всё же последние метры доехал на пятой точке. Монеты зазвенели по тропинке. Собака затопала лапами, прижимая катившиеся монетки, а затем посмотрев на одну и сказав: «О! С башней! У меня такой нету», сунула монету за ошейник. На этом помощь собаки в собирании монет закончилась и остальное время она сидела, скучая, на обочине.

– Какого чёрта я их вообще взял? – шипел солдат на самого себя, собирая медяки по тропинке, – надо было сразу в третью комнату идти. Чего я сюда припёрся?

Собака встала и подошла к солдату.

– Слушай, дружище... – как-то неуверенно сказала она, чего раньше за ней не наблюдалось, – ты во вторую комнату зайди, лишним не будет, серебро выбросишь, если что... а вот, когда выйдешь из третьей комнаты, из той, что с золотом, не сможешь ли ко мне заглянуть?

– Это зачем ещё? – удивился солдат.

– Видишь ли, я совершенно не знаю, что там находится. Это довольно странная комната – все о ней говорят, но никто не то чтобы там не был, никто никогда даже не разговаривал с тем, кто там был. Вот ведь, понимаешь, какая петрушка... – собака почесала затылок.

– Хорошо, зайду и расскажу, – пообещал солдат.

Вскоре они добрались до подножия холма и подошли к двери.

– Ну, я пошёл, – сказал солдат.

– Пока.

И только солдат сделал шаг к двери, как вдруг, откуда ни возьмись, налетели на него какие-то страшные чудовища: жуткие летучие мыши с больными глазами, потные собаки со сломанными клыками, тоскливые вороны с пыльными перьями, нетопыри, оборотни, жужелицы и прочая нечисть. Они хлопали солдата крыльями, щипали, кусали за ноги и нагоняли такую зелёную вязкую тоску, что хоть вой...

– Фу! Фу! – кричала собака, – пошли вон!

– Ёлки-палки, почему уйти спокойно нельзя? – солдат рванул дверь и очутился в коридоре. Он прислушался, за дверью собака кричала: «А ну, стоять! Сидеть! Смиррррно! Забыли, как раньше под замком сидели, сволочи?! Я вам живо хвосты пооткручиваю!» Хлопанье, жужжание, хрюканье и повизгивание сейчас же стало тише. «По местам!» – рывкнула собака, и звуки стихли окончательно. Солдат вздохнул...

3. Вторая комната

... и отправился в другую комнату. В этой комнате на сундуке сидела собака... но, как бы так сказать, она очень странно сидела. Собака была породы русская гончая – высокая и худощавая, она сидела на краю сундука, закинув ногу на ногу, и, нацепив очки на нос, читала книгу. На собаке были тёмно-изумрудные, с патиной, туфли «лодочки» с кисточками, белая рубашка, во французских манжетах которой виднелись серебряные запонки с головой бульдога, и серо-голубой костюм в клетку «Глен Уркхард». На шее у неё был повязан галстук-бабочка в мелкий горох – повязан несколько кривовато, но оттого собака выглядела ещё более элегантно...

Солдат теребил передник не зная, что предпринять: хватать пса, который сидит по-человечески, да ещё с книгой в руках, и садить его на передник было как-то не очень. Наконец, собака заметила солдата и отложила книгу.

– Вы позволите? – она взяла у солдата из рук передник, внимательно его рассмотрела, затем вернула: – прошу Вас, – и указала вглубь комнаты.

Солдат ожидал увидеть ещё один холм, но его не было. Было всё наоборот: была большая воронка – словно отсюда вынули конус земли и поставили в первой комнате. Впрочем, слово «воронка» не очень хорошо передаёт то, что увидел солдат. Если мои дорогие читатели думают, что это была грязная и кривая воронка, какие бывают от взрыва или землеройных работ, то они сильно ошибаются. Это была очень обустроенная, светлая и уютная воронка, вниз по которой змейкой уходила мощёная камнем тропа, а в стенах воронки располагались какие-то помещения, в которых, видимо, жили люди.

– Медь можете положить вон туда, – собака указала на место возле двери, где уже имелись несколько кучек медных монет. Солдат ещё раз ругнул себя за то, что он зря заходил в первую комнату, и сложил все монеты в указанное место.

Они пошли вниз. Сначала солдату местные жители показались не очень доброжелательными – то тут, то там из-за двери пахло чем-то затхлым и спиртным, где-то ругались мужчина и женщина, но постепенно, пока они спускались, всё становилось спокойнее. Вот уже у одной из дверей в кресле-качалке сидела женщина, несколько, правда, мрачноватого вида, но спокойно перебирала горстку риса в плошке. «Здравствуй, Элеонор», – сказала ей собака, Элеонор не удостоила ответом, лишь качнув головой. Так они шли вниз, пройдя примерно половину пути. Солдат уже предвкушал, как он разложит серебро по карманам, прикидывал, сколько пустых карманов у него вообще имеется, как вдруг из-за одной двери выскочило странное существо. Оно было похоже на нарисованного человечка, как его обычно рисуют дети: тоненькие ручки, ножки, круглая голова, но на голове почему-то был только один глаз, зато были пририсованы какие-то рожки, похожие на перевернутый полумесяц, а может быть, это были сросшиеся длинные брови... Существо было явно мужского пола. «Ой-ёй!» – послышалось из-за двери и за человечком выбежал мужчина с белой длинной бородой, в чёрной хламиде и в чёрной шапочке без козырька. Они с собакой кинулись отлавливать существо, которое ловко уходило от них, вертясь между ног, подпрыгивая и похихикивая.

– Опять началось, – услышал солдат и обернулся на голос: ниже по тропинке, у другой двери, прислонившись к косяку и держа руки в карманах, стоял мужчина. Он наблюдал суету с поимкой и криво ухмылялся.

– Он свою монаду так вот каждый божий день ловит. То она у него сбежит, то суп на плите опрокинет. Нет, чтобы что-нибудь серьёзное сотворить, – он покачал головой, а потом с интересом оглядел солдата: – молодой человек, а вы... оттуда – он показал головой вверх.

– Да.

Мужчина заметно оживился:

– О! Это прекрасно! Пойдёмте – ка, я вам кое-что покажу, – он взял солдата за локоть, – Вы просто обязаны это оценить. Я вижу Вы человек не глупый! Пойдёмте, пойдёмте! Да-с, здесь не сыщешь достойных, но Вы!... Вы непременно поймёте...

Солдат с сомнением последовал за мужчиной, часто оглядываясь на собаку: у тех дело шло к концу – монаду удалось ухватить за ноги.

Помещение, в которое мужчина завёл солдата, видимо, было его домом. Прихожей не было и солдат, переступив порог, сразу оказался в гостиной. Налево шёл коридор в спальню, направо виднелась кухня. Солдат осторожно прошёл в гостиную и осмотрелся. Комната была сплошь уставлена книгами: они стояли на многочисленных стеллажах, лежали стопками на столах, стульях и даже на полу. Мужчина, как зашёл, сразу же нырнул в ящик, стоявший между стеллажами, и начал там громыхать, приговаривая «сейчас, сейчас». Солдат походил, огляделся, потом взял с полки первую попавшуюся книгу и открыл её. «Некрономикон, – прочёл он, – Предание безумного араба». Он полистал дальше: «Эта древняя книга была похищена мрачными Древними Богами. И лишь через долгие века её обнаружил странник, остановившийся на ночлег возле древнего капища». Солдат поёжился, представив ужасных Древних Богов, перелистал книгу до последней страницы, где было написано: «Гарнитура Таймс. Тираж 10 000 экз.», и поставил её на место.

– О, будьте осторожны с «некрономиконном», это страшное знание! – мужчина уже вылез из ящика и выставил на стол какой-то предмет, – вы, батенька, лучше пока посмотрите-ка мой «Бестиарий ремёсел». Я самолично изучаю этих загадочных существ и вношу их в список, – он указал пальцем на книгу, лежавшую на пюпитре в центре гостиной. Затем прищурился и страшным шёпотом добавил: – многие из них опасны...

Солдат открыл в первом попавшемся месте и прочёл, с трудом разбирая почерк:

«Гидропескоструйщик – ужасное существо со множеством голов. Извергает струи песка. Опасен, убивает наповал.

Синильщик – домовый низшего разряда, страдает зависимостью от одурманивающих веществ, часты случаи алкогольной зависимости.

Термист – страшное, всепожирающее существо. Внешний вид неизвестен.

Долбёжник – небольшое существо, класс домовых. Д. обитает в домах с несколькими хозяевами, благодаря чему звуки, производимые Д., принимаются за звуки ремонта у соседей. По этой причине о Д. долгое время ничего не знали. Изучен мало.

Гальваник – странное существо с антеннами на голове. Носит очки. Чрезвычайно скрытен. Род занятий неизвестен.

Грохотовщик – существо наподобие Долбёжника, но крупнее. Прячется на крупных складах.

Шламовщик-бассейнщик – домовый среднего разряда. Живёт в бассейне. Питается шламом.

Дозировщик – домовый низшего разряда. Часто встречается в тавернах, пабах, иных местах, где продают спиртное на разлив. Друг Синильщика.

Канавщик, Карьерщик, Карчёвщик – домовые низшего разряда, изгнанные из жилых домов за неприличное поведение. Живут, соответственно, в канаве, карьере, под выкорчеванными пнями».

– Ну-с, готово! – сказал мужчина и указал на устройство, стоящее на столе. Оно состояло из вращающегося вала, двух поперечных ручек, расположенных на валу под прямым углом друг к другу, и шарнирно закреплённых на концах этих ручек рычагов – их назначение, как пояснил мужчина, заключалось в том, чтобы постоянно обеспечивать избыток момента вращения на одной стороне вала. К рычагам крепились дискообразные грузы. Весь механизм мог совершать качательное движение относительно вала в пределах дуги 90 градусов.

– Вот, – мужчина простёр руки над механизмом, словно хотел его заколдовать, – вот чудо инженерной мысли! Стоит придать этому мотору малый импульс, как вся механизма завертится, и будет обеспечивать свой ход потребной энергией *in secula seculorum*.

Мужчина тронул пальцем диск, чтобы придать «малый импульс». Механизм не реагировал. Тогда он наподдал стол ногой, отчего вся конструкция подпрыгнула и заработала. Вал стал вращаться по часовой стрелке. Рычаги с грузами крепились к концам ручек таким образом, что в нижней фазе каждого оборота они вытягивались в длину, увеличивая радиус движения относительно главного вала. Находясь же в верхней фазе, они как бы складывались, и при этом грузы описывали дугу меньшего радиуса. В поперечных ручках имелись центральные прорезы, благодаря которым ручки могли свободно скользить по телу вала, увеличивая момент вращения в нижней фазе. Как только ручка с шарнирным рычагом и грузом оказывалась немного выше горизонтальной линии, она начинала скользить вперёд и вниз. При этом груз на её противоположном конце ещё дальше отбрасывался от центра, увеличивая момент вращения на одной стороне вала и уменьшая на другой. Положение ручек поддерживалось с помощью прикреплённых к ним небольших качающихся рычажков.

Солдат заворожено смотрел на вращения механизма.

– Ну как? – спросил мужчина.

– С ума сойти! И он так может вечно крутиться?

– Натурально. Это же *perpetuum mobile*, батенька! Вечно!

– Нашёл свободные уши? – послышался голос собаки. Она стояла в дверях и держала руки в карманах. Мужчина помрачнел, но ничего не ответил.

– Пойдёмте, – обратилась собака к солдату, – а то мы так до места не доберёмся.

– Вы видели? – сказал солдат, шагая вниз по тропинке, – Какое сложное устройство! И может крутиться вечно, обеспечивая себя потребной энергией!

Собака внимательно посмотрела на него:

– Я надеюсь, Вы понимаете, что вечного двигателя не может существовать?

Солдат не понимал и начал рассказывать собаке принцип работы механизма, который он видел минуту назад. Собака его прервала:

– Видите ли, драгоценный мой, закон сохранения энергии гласит, что так называемого «вечного двигателя» не существует. Вы видели, как работал механизм...

– В том то и дело, что видел.

– А пока его водружали на стол, Вы, наверное, читали какую-то интересную книгу.

– Причём здесь это?

– Притом. Я попытаюсь объяснить Вам устройство этого механизма и первый закон термодинамики...

– Я не хочу ничего слышать про закон термодинамики, – перебил солдат, – я видел вечное движение и точка, – сказал он и насупился.

– Ну, как знаете.

Дальше шли молча. Чем ниже они спускались, тем меньше света становилось вокруг, и вот тропинка уже была еле видна. Исчез свет, зато вокруг появились мрачные тени, некоторые были похожи на людей, некоторые на зверей с горящими глазами. Видно было, что собаку они боялись, поэтому близко не подходили. Солдату было не по себе от их пристальных взглядов, он почему-то вспомнил мрачных Древних Богов из книги, что читал наверху, и покрепче схватился за саблю.

– Пришли, – сказала собака и указала вперёд. Там, на самом дне воронки, стоял сундук, доверху набитый серебром. Солдат кинулся к нему и начал набивать серебром ранец и карманы. Собака вынула из кармана трубку с изгибом, не торопясь набила её табаком, закурила. Лицо её периодически освещалось тусклым красным светом, приобретая хищные черты. Солдат торопливо набивал ранец, оглядываясь на спрятавшиеся неподалёку тени.

Часть монет не попадала в ранец и падала на пол; одна подкатилась прямо к ноге собаки. Собака подняла её и сунула в карман. Наконец всё было до отказа набито серебром, солдат охнул и закинул ранец за спину.

– Пойдём другой дорогой, – сказала собака, – несколько длиннее, но путь пологий. Для Вас это преимущество.

Солдат припустил вперёд, боясь, как бы тени не ухватили его за ранец, если он пойдёт позади собаки. Наконец они выбрались на свет, и солдат облегчённо вздохнул, хотя уже порядком устал от своей ноши.

– Сделаем привал на полпути, – сказала собака, – вон там, – она указала наверх, на дверь, рядом с которой располагались два окна с витражами, а сверху выходила труба, из которой вился лёгкий дымок.

Наконец они добрались. Собака открыла дверь.

– Разрешите? – спросила она кого-то. Из-за двери слышались радостные возгласы, по которым стало понятно, что собака со своими приятелями, которые были в этом доме, а то, что они были приятелями, не было никакого сомнения, давно не виделась. Солдат вошёл следом.

В огромной гостиной, левая сторона которой была одновременно и кухней, находились трое мужчин.

Двое из них были грузны, один поджар.

Двое были бородаты, один гладко выбрит.

Двое имели привычку курить, один на дух не переносил табачного дыма.

Двое были в очках, один очков не носил.

Двое сидели в креслах, один стоял у плиты.

Все трое были в хорошем настроении.

Собака обнялась со всеми по очереди.

– Я вам тут охотника за сокровищами привёл, передохнуть надо, – сказал пёс, и солдату тут же было предложено мягкое кресло. Сбросив ранец, солдат плюхнулся в кресло и вытянул ноги.

– Ну, как там наверху? – спросил у солдата один из мужчин, тот, что сидел ближе к нему.

– Стабильности нету, – сказал солдат и неопределённо пожал плечами.

– Компота хотите? – спросил тот, что у плиты.

– Пожалуй.

Мужчина принёс что-то наподобие пиалы и ложку. В пиале были выложены фрукты, залитые лёгким сиропом.

– Какой же это компот? Это блюдо какое-то, – сказал солдат.

– Самый настоящий компот, угощайтесь. Компоты такие и должны быть.

Солдат не стал спорить и съел всё дочиста. Затем он откинулся в кресле и посмотрел в окно. Окна в доме были витражные, но одна створка была распахнута, и солдат увидел на противоположном краю воронки открытую дверь. На столе стоял механизм, тот самый *perpetuum mobile*, в дверном проёме была видна фигура мужчины, который расхаживал по гостиной, заложив руки за спину. Солдату страсть как хотелось увидеть эту машину ещё разок, она давала ему ощущение какого-то жизненного смысла, чего-то такого, что мы ещё, быть может, не знаем, а быть может нам и не дано узнать, но это нечто существует, наполняя наше существование смыслом, как бутылки наполняют добрым вином. Как нагарную чугунную сковороду наполняют пряной жареной картошкой. Солдат чувствовал, что это нечто, конечно же, выше, легче и прекрасней, чем жареная картошка, но в голове у него других образов не родилось.

– А вы знаете, я видел вечный двигатель, – решил поделиться он своей радостью с обитателями комнаты. Но эффекта не произвёл: собака промолчала, бросив на него хмурый

взгляд (впрочем, солдат иного и не ожидал), тот, что у плиты укоризненно покачал головой и принялся что-то нарезать, второй хмыкнул и потянулся за сигаретой, тоже всем видом показав, что не собирается это обсуждать. Третий мужчина тоже закурил, выдержал паузу и произнёс:

– В конце концов, это дело вкуса.

Этим он, видимо, хотел только скрасить молчаливую паузу, которая возникла после слов солдата, дабы не показаться невежливым, но тут отреагировал тот, что у плиты:

– Это дело дурного вкуса! Не может быть вкуса у того, кто вбивает себе в голову всякую дурь.

– Знаешь, если уважаемому солдату захочется увидеть *perpetuum mobile*, он его увидит. Не у нас, так наверху. Не наверху, так сам придумает.

– И всё же нехорошо потакать человеческим слабостям, – вмешался второй, – ты же не будешь уверять его, что вечный двигатель существует.

– Нет, не буду.

Второй задумался, а потом сказал:

– Хотя... наверное, ты в чём-то прав, – сказал второй третьему, а потом первому, стоявшему у плиты, – не суди строго, они просто боятся.

– В конце концов, все боятся. Каждый по-своему, – сказала собака.

Наступила неловкая и несколько нервная пауза. Солдат молчал. Третий мужчина спросил у солдата:

– Вы после нас в третью комнату?

– Да. Собака из первой сказала, что сюда сначала нужно зайти.

– Правильно сказала. Вы потом к нам заглянете?

– Зачем? Та собака тоже просила. Что там, в третьей комнате?

– Мы не знаем. Никто не знает. Ну так как, заглянете?

Солдат вздохнул:

– Загляну. Замотался я сегодня, по комнатам ходить.

– Да, это тяжёлая работа – деньги таскать. Хотите, мы Вам кофе сварим?

– Давайте по чашечке, и мы в путь, – откликнулась собака, – а то поздно уже.

Начали решать, кому варить кофе. Первый сказал, что он кулинар, поэтому поручить нужно ему. Третий заявил, что забота кулинара готовить блюда, а варить кофе кулинар уметь не обязан. А у него итальянские корни, так что в вопросах кофе он может заткнуть за пояс любого кулинара. Первый отвечал, что варить всё равно будем в турке и тут нужно быть не итальянцем, а турецким подданным, а кофе такое же блюдо, как утка в яблоках или, если хотите, как ризотто, пер фаворе, раз уж у вас итальянские корни...

В это время солдат увидел, что в дальней стене комнаты есть узкий проход – и как это он раньше не заметил! Он поднялся и пошёл по нему, через минуту выйдя в большую пещеру с высокими сводами, на которых сидели летучие мыши и капли воды. Пол пещеры разрывался пополам большой расщелиной. Заглянув туда, солдат увидел, что внизу оказались опять-таки люди. Все они держали в руках *perpetuum mobile*. Механизмы были разные, некоторые были основаны на вращении колёс или шаров, некоторые на природном магнетизме, а были и такие, которые двигались за счёт капиллярного притяжения... Тут из стены напротив выдвинулась прямо на солдата большая каменная голова в красном фригийском колпаке и громогласно сказала: «А, новенький! Хочешь пойти к нам – выбирай!» и справа и слева от головы тут же выдвинулись две большущие каменные руки, в одной из них был факел, а на второй – *perpetuum mobile*, в точности такой, как видел солдат, спускаясь по склону. Факел был замызганный, хотя и горел ярко, а вот механизма сверкала сталью и мягко шелестела валами и рычажками. Солдат не отрываясь, как зачарованный, смотрел на неё. «Как выбор сделаешь, получишь приз! Хороший выбор – хороший приз!» – загромыхала

голова. Солдат, конечно же, хотел механизма, уж очень она ему нравилась... «А-а-а, вижу чего хочешь! – прогрохотала голова, – молодец, все выбирают *perpetuum mobile*!» Солдат посмотрел в расщелину. А ведь и действительно – все! Только с десяток человек ходили по расщелине с факелами, что было не удивительно. «На, владей! Твоя механизма теперь!» – произнесла голова. «А приз?» – спросил солдат. «Лимон!» – захохотала голова, и солдату в руку упал лимон. Солдат кисло повертел его и спросил: «Выбор нехороший был? Почему лимон? А если бы я выбрал факел, то что бы получил?» Тут голова загромохохотала так, что механизма в руке у солдата запрыгала и зазвенела, а со сводов сорвалась стая испуганных мышей: «Тоже лимон!» И солдату в руку упал второй лимон. «Ничего не понимаю...» сказал солдат. «А и понимать нечего!» – это уже сказали лимоны, которые как два глаза смотрели на солдата. Тут они прыгнули из рук и поскакали вниз по каменным ступеням словно два мячика случайно выпавшие из детских рук скачут по лестнице твоего дома а ты знаешь что они сейчас укокошат какую-нибудь вазу внизу. Солдат бросился за ними а они лихо поворачивая на поворотах скакали солдат за ними пустился сапоги как свинцовые и ноги не слушаются и скользят на поворотах а лимоны мячами скачут дзинь-ля-ля дзинь-ля-ля и смеются и хоть бы хны им а они тут повернулись и солдату да ты кофе то хочешь и мордой собачьей спрашивают солдат ты кофе будешь пить... солдат, ты кофе будешь?

– Солдат, ты кофе будешь? – солдат открыл глаза, собака трясла его за плечо, – кофе готов.

Оказывается, он спал! Ну и приснится же! Солдат посмотрел на дальнюю стену, где, естественно, никакого прохода не было.

Выпив кофе, солдат с собакой бодро прошагали дальше, сделав ещё один привал прямо напротив дома Элеонор, на противоположной стороне воронки, у какого-то небольшого роста мужчины, ходившего босиком и курившего длинную трубку. Солдат снова подкрепился, на сей раз пенным пивом, серым хлебом и сыром. За трапезой солдат разглядывал комод, кресла, покрытые кружевными салфетками. Прямо напротив стола в раме висела странная маленькая картина маслом, на которой был изображён всего лишь лист с дерева. Подпись гласила, что это лист кисти кого-то, фамилию солдат не разобрал. Наевшись, солдат откинулся на спинку стула и прислушался к разговору, который вели собака с мужчиной. Мужчина жаловался на Элеонор, рассказывал про её грубость, что она ему досаждала, спасу нет. Что-то было общее между этим мужчиной и Элеонор, покачивавшейся в кресле на противоположной стороне воронки. Общее и в то же время они очень сильно различались, подумал солдат. Словно Элеонор была пуста, а этот босой мужчина нет... Но от пива у солдата все мысли спутались и он бросил дальше думать... Собака заметила, что солдат уже скучает и откланялась...

Раз-два, раз-два, и вот солдат с собакой уже вынырнули из воронки. Сердечно попрощавшись с собакой...

4. Третья комната

...солдат пошёл в третью комнату. Фу ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две Круглые башни и вертелись точно колёса.

— Моё почтение! — сказал солдат и взял под козырёк. Такой собаки он ещё не видывал.

Долго смотреть на неё он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сундук-то опять пуст! Что только не делал солдат — и махал перед носом у собаки руками, и приплясывал, и ругал собаку на чём свет стоит, но она сидела не шевелясь и только глаза вертелись точно колёса. Пошёл тогда солдат сам себе по комнате. Идёт, осматривается и видит, что комната пуста: ни тебе холмов, ни тебе золота, только серый туман цвета мыши клубится, покрывая пол и стены...

Ну, хорошо, хоть серебро осталось в рюкзаке. Посадил он собаку опять на сундук...

5. Развязка

...потом захлопнул дверь, и закричал наверх:

– Тащи меня, старая ведьма!

– Ты взял огниво? – спросила женщина.

– Ах правда, чуть не забыл! – сказал солдат, пошёл и взял огниво.

Женщина вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, с набитым серебром ранцем.

– Зачем тебе это огниво? – спросил солдат.

– Не твоё дело! – ответила женщина. – Ты ведь получил деньги! Отдай же мне огниво!

– Как бы не так! – сказал солдат. – Сейчас говори, зачем тебе оно, не то я вытащу саблю да срублю тебе голову.

– Не скажу! – упёрлась та.

Тогда солдат вытащил саблю. Женщина взвизгнула и припустила вокруг дерева, а солдат за ней. Бегали они так минут десять – то вперёд, то назад, пока, наконец солдат не оступился, да не ударился со всего размаху головой о камень. Тут-то ему и конец пришёл: перелом основания черепа случился. И поделом ему, противный этот солдат оказался – всё ему старая женщина «ведьма», да «ведьма», а она, может, просто некрасивая. Да и надуть он её решил – огниво забрать хотел.

В общем, тут и сказке конец.

Маленький Клаус и Большой Клаус

К чему эти эвфемизмы?

В одной деревне жили два человека; обоих звали Клаусами, но у одного было четыре лошади, а у другого только одна; так вот, чтобы различить их, и стали звать того, у которого было четыре лошади, Большим Клаусом, а того, у которого одна, Маленьким Клаусом. Послушаем-ка теперь, что с ними случилось; ведь это целая история!

Всю неделю, как есть, должен был Маленький Клаус пахать на своей лошадке поле Большого Клауса. Зато тот давал ему своих четырёх, но только раз в неделю, по воскресеньям.

А надо сказать, что Большой Клаус имел неприятную особенность в воскресенье напиться в хлам. Большой Клаус обычно пил всю неделю, но поскольку на неделе нужно было работать, он стоял на ногах. Но как только приходило воскресенье, тут уж Большого Клауса было не удержать! Выставлял он перед собой двадцать две бутылки картофельного шнапса и выпивал их за раз.

А Маленький Клаус в воскресенье пахал. Ух ты, как звонко щёлкал кнутом Маленький Клаус над всей пятёркой, – сегодня ведь все лошадки были будто его собственные. Солнце сияло, колокола звонили к обедне, люди все были такие нарядные и шли с молитвенниками в руках в церковь послушать проповедь священника. Все они видели, что Маленький Клаус пашет на пяти лошадях, и он был очень доволен, пощёлкивал кнутом и покрикивал:

– Эх вы, мои лошадушки!

– Не смей так говорить! – сказал ему как-то раз Большой Клаус. – У тебя ведь всего одна лошадь!

Но вот опять кто-нибудь проходил мимо, и Маленький Клаус забывал, что не смел говорить так, и опять покрикивал:

– Ну вы, мои лошадушки!

– Перестань сейчас же! – сказал ему наконец Большой Клаус. – Если ты скажешь это ещё хоть раз, я возьму да хвачу твою лошадь по лбу. Ей тогда сразу конец придёт!

– Не буду больше! – испуганно сказал Маленький Клаус. – Право же, не буду! Да вдруг опять кто-то прошёл мимо и поздоровался с ним, а он от радости, что пашет так важно на пяти лошадях, опять щёлкнул кнутом и закричал:

– Ну вы, мои лошадушки!

– Вот я тебе понукаю твоих лошадушек! – сказал Большой Клаус. Взял он обух, которым вколачивают в поле колья для привязи лошадей, и так хватил по лбу лошадь Маленького Клауса, что мозги у той разлетелись по всей пахоте. Маленький Клаус стоял и смотрел в ужасе, как его лошадка брыкается в предсмертных судорогах...

– Эх, нет теперь у меня ни одной лошади! – проговорил Маленький Клаус и заплакал.

Потом он сделал из лошадки отличную кровяную колбасу, а шкурку лошадки высушил хорошенько на ветру, положил в мешок, взвалил мешок на спину и пошёл в город её продавать.

Идти пришлось очень далеко, через большой тёмный лес, а тут ещё непогода разыгралась, и Маленький Клаус заблудился. Едва выбрался он на дорогу, как совсем стемнело, а до города было ещё далеко, да и домой назад не близко; до ночи ни за что не добраться ни туда, ни сюда.

При дороге стоял большой крестьянский двор; ставни в доме были уже закрыты, но сквозь щели светился огонь.

«Вот тут я, верно, найду себе приют на ночь», – подумал Маленький Клаус и постучался.

Хозяйка отперла, узнала, что ему надо, и велела идти своей дорогой: мужа её не было дома, а без него она не могла принимать гостей.

– Ну, тогда я переночую на дворе! – сказал Маленький Клаус, и хозяйка, плюнув, захлопнула дверь.

Возле дома стоял большой стог сена, а между стогом и домом – сарайчик с плоской соломенной крышей.

– Вон там я и улягусь! – сказал Маленький Клаус, увидев эту крышу. – Чудесная постель! Надеюсь, аист не слетит и не укусит меня за ногу!

Это он сказал потому, что на крыше дома в своем гнезде стоял живой аист. К чему только он в этой сказке – непонятно.

Маленький Клаус влез на крышу сарая, растянулся на соломе и принялся ворочаться с боку на бок, стараясь улечься поудобнее. Ставни закрывали только нижнюю половину окон, и ему видна была вся горница. Маленький Клаус улёгся поудобнее и стал подглядывать за хозяйкой: вдруг, думает Клаус, будет она голой ходить, тут-то я и... Ну, в общем, неважно, что он думал.

А в горнице был накрыт большой стол; чего-чего только на нём не было: и вино, и жаркое, и чудеснейшая рыба; увидел Клаус, что за столом сидели хозяйка и пономарь, больше – никого. Хозяйка наливала гостю вино, а он уплетал рыбу, – он был большой до неё охотник.

«Вот бы мне присоседиться!» – подумал Маленький Клаус и, вытянув шею, заглянул в окно. Боже, какой дивный пирог он увидал! Вот так пир!

Наевшись вдоволь, пономарь так и полез к хозяйке под подол. Хозяйка отталкивала его, но видно было, что только для приличия. Уж что они только не выделявали на обеденном столе: и в такой позе, и в такой. А хозяйка-то заприметила, что Маленький Клаус за ними подглядывает и давай принимать такие развратные позы, что Клаусу, ну совсем невольно стало...

Но тут он услышал, что кто-то подъезжает к дому, – это вернулся домой хозяйкин муж. Он был очень добрый человек, но у него была странная и неизлечимая болезнь: он терпеть не мог пономарей. Стоило ему встретить пономаря – и он приходил в бешенство, глаза его вылезали из орбит, а изо рта шла пена. Поэтому пономарь и пришёл в гости к его жене в то время, когда мужа не было дома, а добрая женщина постаралась угостить его на славу и получить от него кое-что взамен. Оба они очень испугались, услышав, что хозяин вернулся, и хозяйка попросила гостя поскорее влезть в большой пустой сундук, который стоял в углу. Пономарь послушался, – он ведь знал, что бедняга хозяин терпеть не может пономарей, – а хозяйка проворно убрала всё угощение в печку: если бы муж увидал всё это, он, конечно, спросил бы, кого она вздумала угощать.

– Ах! – громко вздохнул Маленький Клаус на крыше, глядя, как она прятала кушанье и вино.

– Кто там? – спросил крестьянин и вскинул глаза на Маленького Клауса. – Чего ж ты лежишь тут? Пойдём-ка лучше в горницу!

Маленький Клаус объяснил, что он заблудился и попросился ночевать.

– Ладно, – сказал крестьянин, – ночуй. Только сперва нам надо с тобой подкрепиться с дороги.

Жена приняла их обоих очень ласково, накрыла на стол и вынула из печки большой горшок каши. Крестьянин проголодался и ел с аппетитом, а у Маленького Клауса из головы не шли жаркое, рыба и пирог, которые были спрятаны в печке.

Под столом, у ног Маленького Клауса, лежал мешок с лошадиной шкурой, с той самой, которую он нёс продавать. Каша не лезла ему в горло, и вот он придавил мешок ногой; сухая шкура громко заскрипела.

– Тсс! – сказал Маленький Клаус, а сам опять наступил на мешок, и шкура заскрипела ещё громче.

– Что там у тебя? – спросил хозяин.

– Да это всё мой колдун! – сказал Маленький Клаус. – Говорит, что не стоит нам есть кашу, – он уже наколдовал для нас полную печку всякой всячины: там и жаркое, и рыба, и пирог!

– Вот так штука! – вскричал крестьянин, мигом открыл печку и увидел там чудесные кушанья. Мы-то знаем, что их спрятала туда его жена, а он подумал, что это все колдун наколдовал!

Жена не посмела сказать ни слова и живо поставила всё на стол, а муж с гостем принялись уплетать и жаркое, и рыбу, и пирог. Но вот Маленький Клаус опять наступил на мешок, и шкура заскрипела.

– А что он сейчас сказал? – спросил крестьянин.

– Да вот, говорит, что наколдовал нам ещё три бутылки самогона, они тоже в печке, – ответил Маленький Клаус.

Пришлось хозяйке вытащить и самогон. Крестьянин выпил стаканчик, другой, и ему стало так весело! Да, такого колдуна, как у Маленького Клауса, он не прочь был заполучить!

– А может он вызвать чёрта? – спросил крестьянин. – Вот на кого бы я посмотрел; ведь мне сейчас весело!

– Может, – сказал Маленький Клаус, – мой колдун может сделать всё, чего я захочу. Правда? – спросил он у мешка, а сам наступил на него, и шкура заскрипела. – Слышишь? Он отвечает «да». Только чёрт очень уж безобразный, не стоит и смотреть на него!

– Ну, я его ни капельки не боюсь. А каков он на вид?

– Да вылитый пономарь!

– Тьфу! – сплюнул крестьянин. – Вот мерзость! Надо тебе сказать, что я видеть не могу пономарей! Но всё равно, я ведь знаю, что это чёрт, и мне будет не так противно! К тому же я сейчас набрался храбрости, это очень кстати! Только пусть он не подходит слишком близко!

– А вот я сейчас скажу колдуну! – проговорил Маленький Клаус, наступил на мешок и прислушался.

– Ну что?

– Он велит тебе пойти и открыть вон тот сундук в углу: там притаился чёрт. Только придерживай крышку, а то он выскочит.

– А ты помоги придержать! – сказал крестьянин и пошёл к сундуку, куда жена спрятала пономаря.

Пономарь был ни жив, ни мёртв от страха. Крестьянин приоткрыл крышку и заглянул в сундук.

– Тьфу! Видал, видал! – закричал он и отскочил прочь, – точь-в-точь наш пономарь! Вот гадость-то!

Такую неприятность надо было запить, и они пили до поздней ночи, пока уже на ногах не могли стоять.

– А колдуна этого... это, того... ты мне продай! – еле выговорил крестьянин. – Проси сколько хочешь, хоть целую мерку денег!

– Не-е-е-е, не могу! – сказал Маленький Клаус. – Подумай, сколько мне от него... пользы!

– Продай! Мне страсть как хочется его получить! – сказал крестьянин и принялся упрашивать Маленького Клауса.

– Ну ладно, – ответил наконец Маленький Клаус, – пусть будет по-твоему! Ты со мной ласково обошёлся, пустил меня ночевать, так бери моего колдуна за мерку денег, только насыпай полнее! – надо сказать, что Маленький Клаус нисколько не уступал в цинизме Клаусу Большому, – так он решил отблагодарить доброго и гостеприимного хозяина.

– Хорошо! – сказал крестьянин. – Но ты должен взять и сундук, я и часу не хочу держать его у себя в доме. Почему знать, может, чёрт все ещё там сидит.

Маленький Клаус отдал крестьянину свой мешок с высушенной шкурой и получил за него полную мерку денег, да ещё большую тачку, чтобы было на чем везти деньги и сундук.

– Прощай! – хихикнул Маленький Клаус и покатил тачку с деньгами и с сундуком, в котором всё ещё сидел пономарь.

По ту сторону леса протекала большая глубокая река, такая быстрая, что едва можно было справиться с течением. Через реку был перекинут новый мост. Тут Маленькому Клаусу пришла в голову очередная циничная мысль – как можно выдавить с пономаря немного денег. Маленький Клаус встал посередине моста и сказал нарочно громче, чтобы пономарь услышал:

– К чему мне этот дурацкий сундук? Он такой тяжелый, точно набит камнями! Я совсем измучусь с ним! Брошу-ка его в реку: приплывет он ко мне домой сам – ладно, а не приплывет – и не надо!

Потом он взялся за сундук одною рукою и слегка приподнял его, точно собирался столкнуть в воду.

– Постой! – закричал из сундука пономарь. – Выпусти сначала меня!

– Ай! – вскрикнул Маленький Клаус, притворяясь, что испугался. – Он всё ещё тут! В воду его скорее! Пусть тонет!

– Нет, нет! Это не чёрт, это я! – кричал пономарь. – Выпусти меня, я тебе дам целую мерку денег!

– Вот это другое дело! – хихикнул Маленький Клаус и открыл сундук.

Пономарь мигом выскочил оттуда и столкнул пустой сундук в воду. Потом они пошли к пономарю, и Маленький Клаус получил ещё целую мерку денег. Теперь тачка была полна деньгами.

– А ведь лошадка принесла мне недурной барыш! – сказал себе Маленький Клаус, когда пришел домой и высыпал на пол кучу денег. – Надо было её раньше пристукнуть... Вот Большой Клаус разозлится, когда узнает, как я разбогател от своей единственной лошади! Только пусть не ждёт, чтобы я ему сказал всю правду!

И он послал к Большому Клаусу мальчика попросить мерку, которою меряют зерно.

«На что она ему понадобилась?» – подумал Большой Клаус и слегка смазал дно меры дегтем, – авось, мол, к нему что-нибудь да пристанет. Так оно и вышло: получив мерку назад, Большой Клаус увидел, что ко дну прилипли три новеньких серебряных монетки.

– Вот так штука! – сказал Большой Клаус и сейчас же побежал к Маленькому Клаусу. – Откуда у тебя столько денег?

– Я продал вчера вечером шкуру своей лошади.

– С барышом продал! – сказал Большой Клаус, побежал домой, взял топор и начал убивать всех своих лошадей: топором прямо по голове, да так, что мозги разлетались по всему стойлу и фонтаны крови лились прямо на стены. Так он и убил всех своих четырёх лошадей, снял с них шкуры и отправился в город продавать.

– Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! – кричал он по улицам.

Все сапожники и кожевники сбежались к нему и стали спрашивать, сколько он просит за шкуры.

– Мерку денег за штуку! – отвечал Большой Клаус.

– Ты что, совсем придурок? – возмутились покупатели. – У нас столько денег не водится, чтобы их мерками мерить!

– Шкуры! Шкуры! Кому надо шкуры! – кричал он опять и всем, кто спрашивал, почему у него шкуры, отвечал: – Мерку денег за штуку!

– Да он нас дурачить вздумал! – закричали сапожники и кожевники, похватали кто ремни, кто кожаные передники и принялись хлестать ими Большого Клауса.

– "Шкуры! Шкуры!" – передразнивали они его. – Вот мы покажем тебе шкуры! Вон из города!

И Большой Клаус давай бог ноги! Сроду его так не колотили! Выбили Большому Клаусу три коренных и два передних зуба, глаз заплыл совсем, весь он был в кровавых полосах от ремней, кожа на спине болталась лохмотьями, а один совсем злой сапожник укусил Большого Клауса за палец, да так, что тот болтался на куске кожи, и Клаусу пришлось его выбросить по пути домой. Вдобавок у него отобрали все шкуры, что он пытался продавать...

– Ну, – сказал он, еле добравшись до дому, – поплатится мне за это Маленький Клаус! Убью его!

А у Маленького Клауса как раз умерла старая бабушка; она не очень-то ладила с ним, была злая, но он все-таки пожалел её и положил на ночь в свою тёплую постель – авось отогреется и оживет, – а сам уселся в углу на стуле: ему не впервой так ночевать.

Ночью дверь отворилась, и вошел Большой Клаус с топором в руках. Он знал, где стоит кровать Маленького Клауса, подошёл к ней и ударил по голове того, кто на ней лежал. Он ударил пять раз обухом прямо по темечку, да два раза ещё отходил лезвием прямо по лицу, да так, что у бабушки от лица осталось кровавое месиво и оба глаза скатились на пол.

– Вот тебе! Не будешь меня дурачить! – сказал Большой Клаус, думая, что убил Маленького Клауса и пошёл домой.

– Ну и злодей! – сказал Маленький Клаус, рассматривая изувеченный труп своей бабушки. – А ведь это он меня хотел убить! Хорошо, что бабушка-то была мёртвая, а то бы ей не поздоровилось! Да и борозды от моего ремня на шее у бабушки уже никто не заметит – хихикнул он.

Потом он одел бабушку в праздничное платье, попросил у соседа лошадь, запряг её в тележку, хорошенько усадил старуху на заднюю скамейку, чтобы она не свалилась, когда поедут, и покатил с ней через лес. Да вот беда: по пути труп бабушки всё время падал на скамейку, и Клаусу пришлось прибить бабушку гвоздями к сиденью телеги. Так они и поехали дальше. Когда солнышко встало, они подъехали к большому постоялому двору. Маленький Клаус остановился и пошёл спросить себе чего-нибудь выпить да закусить.

У хозяина постоялого двора было много-много денег (говорят, он убивал и грабил своих постояльцев), а сам он был человек очень добрый, но такой горячий, точно весь был начинен перцем и табаком. Вот и решил Маленький Клаус, по старой привычке, заняться вновь вымогательством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.